

Поездка П.Н. Милюкова по Западной Европе в июле—сентябре 1916 г. и её политические последствия

Фёдор Селезнев

**P. N. Miliukov's trip to Western Europe in July—September of 1916
and its political consequences**

*Fedor Seleznev (Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod —
National Research University, Russia)*

Современники и исследователи не раз указывали на оглушительный общественный резонанс речи, произнесённой П.Н. Милюковым в Государственной думе 1 ноября 1916 г. С парламентской трибуны лидер кадетов фактически обвинил тогда председателя Совета министров Б.В. Штюрмера в стремлении к сепаратному миру с Германией. Как известно, материалы для этого сенсационного выступления были собраны Милюковым во время заграничного путешествия в июле—сентябре 1916 г.¹ Впервые последив ход этой поездки и проанализировав записи, сделанные Милюковым в дневнике во время посещения Англии, Франции и Швейцарии, И.В. Алексеева отметила, что отставка в июле 1916 г. твёрдого англофила С.Д. Сазонова и появление на посту министра иностранных дел Штюрмера, не имевшего такой репутации, привели руководство Антанты к убеждению «в необходимости дальнейшего упрочения связей с лидерами русской буржуазной оппозиции». Со своей стороны, российские оппозиционеры с первых месяцев 1916 г. (т.е. ещё со времени назначения Штюрмера премьер-министром) критиковали преимущественно внешнюю политику правительства. По мнению Алексеевой, в августе—сентябре руководитель Прогрессивного блока воспользовался приглашением прочесть лекции в Кембриджском университете для «сбора в Англии, Франции и нейтральных странах порочащей сепаратные колебания правительства Николая II информации в целях полной дискредитации внешнеполитической линии последнего»². Однако остаётся непонятным, зачем это потребовалось Милюкову. Ведь официально «правительство Николая II» твёрдо заявляло о верности Антанте и решительно отвергало возможность сепаратного мира.

Как полагает Ф.А. Гайда, прозвучавшая 1 ноября «клеветническая речь» лидера кадетов «открыла новую предвыборную кампанию». При этом в ситуации, «когда оппозиция должна была выбирать между необходимостью сохранить легальные методы борьбы и желанием не потерять политическую инициативу», её основным оружием становились «сознательная дискредитация

© 2017 г. Ф.А. Селезнев

¹ *Слонимский А.Г.* Катастрофа русского либерализма. Прогрессивный блок накануне и во время Февральской революции 1917 года. Душанбе, 1975. С. 20.

² *Алексеева И.В.* Агония сердечного согласия. Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте. Л., 1990. С. 220.

и клевета». Соответственно, наиболее важной целью поездки Милюкова за границу в июле—сентябре 1916 г. стал «сбор слухов» о контактах доверенных лиц русского правительства с представителями Германии, черпались же они из европейской прессы и рассказов русских эмигрантов, находившихся в Швейцарии³. Но ведь эти газеты были доступны и в Петрограде, а слухи распространялись не только в Швейцарии, но и в Англии или во Франции, однако Милюков не пытался их выведать у проживавших там русских эмигрантов. И неужели для подготовки «клеветнических» заявлений лидеру думской фракции пришлось специально ехать в Швейцарию и, уподобляясь детективу-любителю, проводить там собственное расследование?

Сам Милюков в воспоминаниях писал, что ещё весной 1916 г., во время поездки в Западную Европу в составе делегации Государственной думы, принял приглашение прочесть лекции в Англии и на обратном пути в Норвегии. Больше всего его якобы привлекла возможность провести промежуток времени между выступлениями в Кембридже и Христиании в Швейцарии, «чтобы собрать из недоступных в России источников данные о таинственных сношениях германцев с русскими сферами по поводу заключению сепаратного мира»⁴. В частности, Милюков упоминал о подробно описанной в историографии встрече А.Д. Протопопова с немецким предпринимателем М.М. Варбургом в Стокгольме в июне 1916 г.⁵ За границей Павел Николаевич будто бы сразу же стал расспрашивать о ней русского посла в Швеции А.В. Неклюдова⁶. Но дальше речь идёт о встрече с норвежским королём Гаконом, которая состоялась 7(20) сентября⁷, т.е. на обратном пути Милюкова в Россию. Вероятно, и разговор с Неклюдовым имел место в сентябре, в связи с неожиданным назначением Протопопова управляющим МВД, а не в июле, когда тот ещё не имел никакого отношения к царской чете и её ближайшему окружению. Кстати, в показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства (ЧСК) Милюков сообщил, что, побеседовав с Неклюдовым и объяснившись в июле с самим Протопоповым, рассматривал встречу с Варбургом как «политически не важный» и «случайный» эпизод⁸. Невозможно представить, чтобы из-за него лидер кадетов специально отправился в Швейцарию.

Гораздо больше, чем Протопопов, Милюкова летом 1916 г. должен был интересовать Штюрмер. Кадеты опасались, не изменит ли он проводившийся Сазоновым курс на войну до победы в тесном единении с союзниками⁹. Газета «Речь», которую редактировал Милюков, настаивала на том, что новый глава МИД должен дать на сей счёт чёткие и недвусмысленные разъяснения, коль скоро его имя само по себе «ничего не символизирует и не гарантирует»¹⁰.

³ *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003. С. 230, 232.

⁴ *Милюков П.Н.* Воспоминания (1859–1917). Т. 2. М., 1990. С. 229–230.

⁵ См., в частности: *Новикова И.Н.* «Между молотом и наковальней»: Швеция в германо-русском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. СПб., 2006. С. 284–288.

⁶ *Милюков П.Н.* Указ. соч. С. 229–230.

⁷ *Алексеева И.В.* Агония сердечного согласия... С. 223.

⁸ Падение царского режима: Стенографические отчёты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного правительства. Т. VI. М.; Л., 1926. С. 338, 339.

⁹ Подробный анализ реакции прессы и политических деятелей на назначение Штюрмера министром иностранных дел см.: *Васюков В.С.* Внешняя политика России накануне Февральской революции. 1916 – февраль 1917 г. М., 1989. С. 183–231.

¹⁰ Речь. 1916. 17 июля.

Недовольны уходом Сазонова были и его единомышленники в Совете министров (ещё оставшиеся на своих постах сторонники соглашения с думским Прогрессивным блоком), и прежде всего — П.Л. Барк. 19 июля, возвращаясь из Лондона, где собиралась конференция министров финансов Антанты, он встретился в норвежском Бергене с Милюковым, выехавшим из России 18 июля, и поделился с ним крайне тяжёлым впечатлением, оставшимся у него после ухода Сазонова¹¹. У исследователей есть основания удивляться «поражающей воображение откровенности» министра, видимо, решившего руками оппозиции нанести удар Штюмеру¹².

Из Бергена Милюков, пренебрегая плохой погодой, спешно отправился в Англию. Он так торопился, что после опасного морского путешествия направился в Кембридж прямо из порта Ньюкасл, минуя Лондон. 20 июля в Кембриджском университете министр по делам блокады Р. Сесил открыл традиционную неформальную сессию с доступными для всех желающих лекциями, сгруппированными в три цикла. Поскольку один из них был целиком посвящён Российской империи, летний съезд «народного университета» 1916 г. получил название «русского сезона». С его помощью британские власти рассчитывали сделать союз с Петербургом более популярным в глазах общества, немалая часть которого критически относилась к связям с царизмом. Выступления русских общественных деятелей и учёных должны были показать англичанам «другую Россию» — демократическую, не связанную с правительством и в то же время настроенную вести войну до победного конца вместе с Антантой.

Подбирать участников мероприятия помогали наиболее квалифицированные русисты. Так, приглашение Милюкова организовал историк и литератор Б. Пэрс, являвшийся военным корреспондентом «The Daily Telegraph» в России и, как пишет Алексеева, «зачастую» выступавший посредником между представителями российской либеральной оппозиции и английскими политиками. Милюкова и ехавших вместе с ним П.Б. Струве и А.С. Лаппо-Данилевского сопровождал журналист Г. Вильямс, муж члена ЦК партии кадетов А.В. Тырковой, обеспечивавший связь «между британским посольством в Петрограде и лидерами оппозиционно настроенных буржуазных кругов столицы»¹³.

Лекции не носили академического характера и освещали преимущественно общественно значимые темы. Милюков, например, рассказывал о системе российских представительных учреждений и о балканских проблемах, Струве рассуждал об истории и перспективах развития российской экономики, академик Лаппо-Данилевский характеризовал основные этапы становления русской научной мысли. Их выступления были дополнены лекциями постоянно проживавших в Англии российских подданных: П.Г. Виноградова — об отношениях власти, интеллигенции и народа, социалиста-оборонца А.Ф. Аладьина — о рабочем движении в России и председателя Польского национального комитета Р. Дмовского — о судьбах Польши. Кульминацией «русского сезона» стало состоявшееся 29 июля торжественное включение Милюкова, Струве, Лаппо-Данилевского и Дмовского в число почётных докторов права Кембриджского университета¹⁴. Их облачили

¹¹ ГА РФ, ф. 579, оп. 1, д. 3546, л. 27–28.

¹² Алексеева И.В. Агония сердечного согласия... С. 221.

¹³ Алексеева И.В. Последнее десятилетие Российской империи: Дума, царизм и союзники России по Антанте. 1907–1917 годы. М.; СПб., 2009. С. 338–339.

¹⁴ Басаргина Е.Ю. «Русский сезон» в Кембридже в 1916 г. // Вопросы истории естествознания и техники. 2014. № 2. С. 54–63.

в красные бархатные мантии и такие же береты и провели торжественной процессией по улицам города. Далее чествование продолжилось на пышном банкете¹⁵.

Судя по его воспоминаниям, Милюков был полностью поглощён участием в насыщенной программе «русского сезона» и не занимался поиском информации о контактах с Германией. Не расспрашивал он об этом и русских дипломатов, хотя 24 июля ему удалось вырваться из Кембриджа в Лондон для посещения посольства, где, судя по дневниковой записи лидера кадетов, все были «удручены отставкой Сазонова»¹⁶.

При этом гр. А.К. Бенкендорф поделился с Милюковым конфиденциальной информацией о предстоящем назначении товарищем министра иностранных дел посланника в Португалии П.С. Боткина, имевшего репутацию германофила. В 1906–1910 гг. он последовательно выступал за соглашение с Германией, считая, что Россия должна стать посредницей между Парижем и Берлином, и одновременно возражал против сближения с Великобританией¹⁷. Его взгляды не соответствовали точке зрения большинства сотрудников МИД, но Боткин никогда не боялся идти против течения и энергично отстаивал своё понимание интересов империи. Ещё в 1893 г., будучи всего лишь секретарём русской миссии в США, он по собственной инициативе опубликовал в популярном нью-йоркском журнале «Century illustrated monthly magazine» опровержение книги американского публициста Дж. Кеннана «Сибирь и ссылка» и содержащихся в ней нападок на пенитенциарную систему России¹⁸. Это была первая статья русского официального лица в американской прессе. Она получила огромный резонанс, однако начальство в МИД стало воспринимать её автора как выскочку, желающего обратить на себя внимание. Выходец из известной московской семьи купеческого происхождения, сын царского лейб-медика и выпускник Петербургского университета, Боткин был чужаком для преобладавших на высших постах в министерстве дворян, окончивших Александровский лицей. Неприязнь к Боткину особенно возросла после того, как он начал критиковать кадровую политику МИД и предложил кардинально его реформировать. «Боткин имеет здесь славу очень большого карьериста и интригана», — сообщал из Петербурга германский посол Ф. фон Пурталес¹⁹.

Бенкендорфу назначение его бывшего подчинённого (в 1906–1907 гг. Боткин служил в Лондоне) товарищем министра представлялось крайне нежелательным²⁰. Штюрмер не имел опыта дипломатической работы и был загружен делами Совета министров, а другой товарищ министра, А.А. Нератов, не отличался силой характера. Пользуясь этим, Боткин с его энергией и собственным взглядом на внешнеполитические интересы России мог стать фактическим руководителем ведомства. Поэтому приезд Милюкова, известного депутата и редактора газеты, обладавшего обширными связями, оказался для Бенкендорфа как нельзя кстати. Сообщив лидеру либеральной оппозиции о готовившемся повышении Боткина и представив того убеждённым германофилом, посол мог рассчитывать на

¹⁵ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 231.

¹⁶ ГА РФ, ф. 579, оп. 1, д. 3546, л. 25.

¹⁷ Бестужев И.В. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906–1910. М., 1961. С. 46, 137, 301.

¹⁸ Боткин П.С. Картинки дипломатической жизни. Париж, 1930. С. 170–176.

¹⁹ Алексеева И.В. Последнее десятилетие Российской империи... С. 449.

²⁰ Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел / Отв. ред. С.В. Куликов. СПб., 2008. С. 270. Боткину предстояло заменить В.А. Арцимовича, который занимался личным составом министерства.

то, что и в печати, и в Думе поднимется шум, который может сорвать назначение и нанести удар не только по Боткину, но и по Штюмеру, не пользовавшемуся авторитетом среди дипломатов.

Нельзя исключать, что именно от Милюкова или Бенкендорфа, англофила и герmanoфоба, о предстоящем переводе Боткина стало известно и британцам²¹. Лидер кадетов наверняка поделился полученными сведениями, по крайней мере, со Струве и Вильямсом. И тот, и другой также могли передать данную информацию союзникам. Струве с 1915 г. возглавлял российский Комитет по ограничению снабжения и торговли неприятеля, тесно связанный с английским министерством по делам блокады²². И Струве как раз проводил тогда консультации с Сесилем²³. Вильямс же в годы Первой мировой войны нередко выступал в роли информатора британского посольства в Петрограде²⁴.

Англичан чрезвычайно обеспокоило известие о намеченном перемещении Боткина в столицу. Он не только имел репутацию герmanoфила, но и был близок к царской семье. Его родной брат Евгений (как некогда и их отец – С.П. Боткин) был лейб-медиком, домашним врачом Николая II. Сам Пётр Сергеевич долгое время состоял в переписке с начальником военно-походной канцелярии императора В.Н. Орловым, с которым делился размышлениями о внешней политике. Орлов перепечатывал эти письма на машинке и передавал царю, интересовавшемуся мнениями Боткина²⁵. Англичан не могло не тревожить и то, что его двоюродный брат – Сергей Дмитриевич Боткин – возглавлял в МИД временный Особый отдел, занимавшийся делами российских военнопленных и имевший возможность поддерживать контакты с германской стороной. Таким образом, если Сазонов обо всех предложениях немцев извещал сначала Дж. Бьюкенена и только потом царя, то теперь между Берлином и Петроградом мог возникнуть канал связи, позволявший вести сепаратные переговоры.

Вопрос о Боткине обсуждался царём и Штюмером в Ставке 1 августа. Николай II «соизволил указать», что в Португалии его может заменить посланник в Сиаме Г.А. Плансон²⁶. Но уже 21 августа, во время следующего посещения Ставки, Штюмер доложил о протесте английского посла против предоставления Боткину поста товарища министра. Бьюкенен ссылаясь на личное знакомство с ним «по одновременному их пребыванию на Западе» и вспоминал о «неоднократно высказывавшихся Боткиным симпатиях к Германии». Поэтому возможность его появления на подобной должности «могла бы возбудить в Англии подозрение в изменении прежних сердечных отношений к тройственному союзу». Штюмер заверил посла, что о кандидатуре Боткина «не было и речи»²⁷. Весьма вероятно, что Бьюкенен узнал о подготовке назначения Боткина из-за утечки информации, допущенной Бенкендорфом в беседе с Милюковым 24 июля.

²¹ Подробнее см.: *Сорока М.Е.* Последний императорский посол в Лондоне граф А.К. Бенкендорф (1903–1916 годы) // Новая и новейшая история. 2010. № 1. С. 179–191.

²² *Витенберг Б.М.* П.Б. Струве и Комитет по ограничению снабжения и торговли неприятеля (1915–1917 гг.) // Санкт-Петербургское научное общество историков и архивистов: Ежегодник [1997]. СПб., 1997. С. 217–228.

²³ *Пайнс Р.* Струве: правый либерал, 1905–1944. Т. 2. М., 2001. С. 292.

²⁴ *Алексеева И.В.* Агония сердечного согласия... С. 61.

²⁵ *Бестужев И.В.* Указ. соч. С. 137.

²⁶ *Монархия перед крушением. 1914–1917.* Бумаги Николая II и другие документы. М.; Л., 1927. С. 142.

²⁷ Там же. С. 149–150.

1 августа «русский сезон» в Кембридже завершился, и Милюков со Струве уехали во Францию. Там лидер кадетов первым делом встретился с русским послом А.П. Извольским. 3(16) августа Милюков отметил в записной книжке: «Свидание с Извольским, которому рассказываю историю отставки Сазонова»²⁸. Впрочем, посол не был особо опечален случившимся и сказал лишь, что считает отставку Сазонова результатом интриги противников дружбы России с Антантой.

После посещения российского посольства Милюков ещё какое-то время находился в Париже, встречаясь с польскими эмигрантами²⁹ и занимаясь организацией постоянного общения парламентариев союзных стран, чему он придавал первостепенное значение³⁰. В частности, встретившись с председателем французской межпарламентской группы А. Франклин-Бульоном, Павел Николаевич обсудил с ним план создания интернационального депутатского объединения, которое со временем могло превратиться в постоянный международный парламент. В беседе с Милюковым Франклин-Бульон сетовал на германофильство, но только не в русском, а в английском кабинете, особенно упрекая британского канцлера казначейства Р. Маккенну³¹.

Покончив с делами, Милюков в середине августа отправился приятно провести время на берегах Женевского озера. Кстати, в своей знаменитой речи 1 ноября он прямо заявил, что поехал в Швейцарию «отдохнуть, а не заниматься политикой»³². Лидер кадетов остановился в Лозанне, где у него были «кое-какие связи со старой русской эмиграцией»³³. Никаких имён эмигрантов ни в думской речи 1 ноября, ни в показаниях ЧСК, ни в мемуарах он не назвал. Но благодаря записной книжке политика точно известно о его тесном общении с участником революции 1905–1907 гг. эсером Н.А. Рубакиным³⁴. Тот жил в Кларане (небольшой деревеньке коммуны Монтрё на северо-восточном берегу Женевского озера), где снимал две квартиры в комфортабельном пятиэтажном доме «Ламбер». В одной из них размещалась его знаменитая библиотека, которой пользовались многие русские революционеры, жившие в Швейцарии. Поэтому Рубакин знал обо всех новостях и слухах, циркулировавших в эмигрантской среде. «На меня посыпался целый букет фактов – достоверных, сомнительных и неправдоподобных: рассортировать их было нелегко», – вспоминал Милюков³⁵. Так, ему рассказали, что «русское правительство через своих агентов ведёт переговоры с Германией»³⁶.

Скорее всего со слов того же Рубакина Милюков 1 ноября заявил, что приезжающие в Швейцарию «чиновники департамента полиции оказываются постоянными посетителями салонов русских дам, известных своим германофильством»³⁷. Имелись в виду В. Лебедев и Л. Ратаев, ранее заведовавший русской заграничной агентурой в Париже и испортивший много крови революционерам-эмигрантам, а также Елена Константиновна Нарышкина (урождённая Толь) и Мария Павловна

²⁸ ГА РФ, ф. 579, оп. 1, д. 3546, л. 21.

²⁹ Там же, л. 8–10. Подробнее см.: Трунов К.Н. Партия кадетов и польский вопрос (1905–1917) // Клио. 2014. № 12.

³⁰ Русская парламентская делегация за границей // Красный архив. 1933. Т. 3(58). С. 6.

³¹ ГА РФ, ф. 579, оп. 1, д. 3546, л. 16–17.

³² Речь П.Н. Милюкова, произнесённая в заседании Государственной думы 1 ноября 1916 г. // Российские либералы: кадеты и октябристы / Сост. Д.Б. Павлов, В.В. Шелохаев. М., 1996. С. 182.

³³ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 232.

³⁴ ГА РФ, ф. 579, оп. 1, д. 3546, л. 3, 4.

³⁵ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 232.

³⁶ Падение царского режима. Т. VI. С. 344.

³⁷ Речь П.Н. Милюкова... С. 182.

Кнорринг (дочь бывшего посла в Берлине гр. П.А. Шувалова). Правда, салон в Монтрё постоянно держала только Кнорринг. Нарышкина проживала во Флоренции и гостила в Монтрё лишь две недели летом 1916 г., проездом из Италии через Швейцарию и Францию в Россию³⁸. Так что её «постоянными посетителями» в Швейцарии Ратаев и Лебедев быть не могли. Кстати, на допросе в ЧСК Милюков признался, говоря о Нарышкиной: «Для меня в дальнейшем выяснилась невинность этой дамы»³⁹. Но 1 ноября лидер кадетов рассказывал с думской трибуны именно о ней, и знающие люди легко узнавали её в даме, «перешедшей от симпатии к австрийскому князю к симпатии к германскому барону»⁴⁰. Увлекательная история любовной связи русской аристократки с кн. Ф. Лихтенштейном, в 1894—1898 гг. являвшимся послом Австро-Венгрии в России (Нарышкина тогда родила от него сына), и германским бароном не могла не привлечь повышенный общественный интерес к этому делу. А Е.К. Нарышкину оратор с подачи Рубакина спутал со статс-дамой императрицы Е.А. Нарышкиной, многозначительно заявив: «Это та самая дама, которая начала делать дипломатическую карьеру г. Штюмера, попытавшись несколько лет тому назад похотатайствовать, чтобы ему дали место посла в одном из второстепенных государств Европы»⁴¹.

Однако глава Прогрессивного блока попал впросак: Ратаев и Лебедев оказались не людьми Штюмера, а русскими военными разведчиками. Их начальник, военный представитель России во Франции А.А. Игнатъев, утверждал, что ему «всегда известны» «каждая поездка их, равно и сношения их в Швейцарии». Милюков же, назвав с думской трибуны имена Ратаева и Лебедева, опрометчиво выдал военный секрет, чем «принёс нам вред, о размерах коего сейчас ещё судить нельзя»⁴².

В тайных сношениях с немцами эмигрант-библиофил обвинял и Извольского. «Источник Реу, — записал Милюков в дневнике, — которому верит»⁴³. Видимо, для встречи с Августом Реем глава Прогрессивного блока ездил в Берн. «Далее, я получил записки некоего Рея, обращённые ко мне лично, как к председателю партии народной свободы, — сообщал он ЧСК. — Одна из этих записок была направлена против нашего посла Извольского и заявляла, что Извольский принимает участие в переговорах с германцами и что эти переговоры ведутся как-то через банки»⁴⁴. Вероятно, Рей или те, кто за ним стоял, рассчитывали, что Милюков поделится имеющейся информацией с российскими дипломатами в Лондоне и Стокгольме, а потом озвучит её с думской трибуны, дискредитировав Извольского. Но обвинения, выдвинутые Реем, который ничего о себе не рассказывал, показались подозрительными, и Милюков, вернувшись 20 августа (2 сентября) в Париж, первым делом пошёл в русское посольство. «У Извольского, — записал он затем в дневнике, — передаю ему узнанное о нём в Швейцарии. Прошу подробностей»⁴⁵.

Огорошенный посол признался, что Нарышкина — двоюродная сестра его жены Маргариты Карловны (урождённой Толь) — действительно «вращается в Швейцарии среди австрийцев, о чём он уже слышал и выговаривал ей». По словам Извольского, приехав недавно в Париж, она остановилась в посольстве, «чем

³⁸ ГА РФ, ф. 579, оп. 1, д. 3546, л. 11.

³⁹ Падение царского режима. Т. VI. С. 345.

⁴⁰ Речь П.Н. Милюкова... С. 182.

⁴¹ Там же; Милюков П.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 232.

⁴² Аврех А.Я. Масоны и революция. М., 1990. С. 215.

⁴³ ГА РФ, ф. 579, оп. 1, д. 3546, л. 3.

⁴⁴ Падение царского режима. Т. VI. С. 344.

⁴⁵ ГА РФ, ф. 579, оп. 1, д. 3546, л. 3.

его шокировала», и жила там довольно долго, демонстрируя «свои германофильские симпатии», но теперь уже находится в Петрограде. О Кнорринг Извольский знал только, что она «дочь Шувалова, жила долго в Дрездене» и тоже «в круге германофильских сношений»⁴⁶. Про переговоры с банкирами посол сказал, что «правда, были сношения с банками», но они велись «по поручению министра финансов» и касались вопроса о займе⁴⁷.

Желая вернуть доверие Милюкова, Извольский поведал ему о том, как, будучи министром (т.е. не позднее 1910 г.), узнал от Пурталеса о попытке немцев с помощью И.Ф. Манасевича-Мануйлова подкупить журналистов газеты «Новое время»⁴⁸. 1 ноября Павел Николаевич будет с пафосом говорить об этом эпизоде в Думе: «вот, господа, на какого рода поручения употребляли не так давно личного секретаря министра иностранных дел Штюрмера»⁴⁹.

Зная о симпатии лидера кадетов к Болгарии, Извольский конфиденциально сообщил ему, будто «Румыния прямо заявила в Париже, что хочет примирить Болгарию с согласиями и поэтому не объявляет ей войны»⁵⁰. Это явно произвело на Милюкова впечатление, и в интервью, появившемся 25 августа (7 сентября) в газете «Jornal», он упомянул о желательности того, чтобы «французская печать относилась к вопросу об “измене” болгарской нации с большей долей вдумчивости». Правда, в ответ на это последовала жёсткая отповедь газеты «Jornal des debates», написавшей 27 августа (9 сентября): «Всё это хуже, чем простое ослепление»⁵¹. Но не этот ли пассаж разгневанного журналиста помог Милюкову сформулировать знаменитый вопрос: «Что это — глупость или измена?»

В целом откровенность Извольского, видимо, подкупила Милюкова. Он перестал подозревать посла в измене и утром 21 августа (3 сентября) принёс ему записки Рея. Извольский взял их, собираясь показать премьер-министру Франции А. Бриану, а 24 августа (6 сентября) передал Милюкову, что, по данным французских властей, «Рей — это друг Вильгельма II, архитектор, который строил дворцы», теперь же защищает «интересы Германии» как «агент, но агент особого типа, квалифицированный, не платный, не наёмный»⁵². Только как архитектор и «друг кайзера» узнал о частном визите Милюкова в Швейцарию? Зачем пытался сорвать гипотетические русско-немецкие контакты в то время, когда в Берлине всеми силами старались их наладить?⁵³ Похоже, «друг Вильгельма II Август Рей» — всё же плод воображения Бриана и Извольского, сумевшего обесценить в глазах Милюкова полученные из Берна «записки». Так или иначе, дискредитировать посла руководитель Прогрессивного блока не стал.

Но если Извольского с помощью Милюкова свалить не удалось, то в борьбе против Штюрмера лидер кадетов оказался весьма успешен. Сам он, разумеется, не понимал, что его используют, и жадно впитывал подбрасываемый ему компромат на председателя Совета министров. На обратном пути домой, беседуя 26 августа

⁴⁶ Там же, л. 2.

⁴⁷ Падение царского режима. Т. VI. С. 345.

⁴⁸ Там же. С. 345–346.

⁴⁹ Речь П.Н. Милюкова... С. 178.

⁵⁰ ГА РФ, ф. 579, оп. 1, д. 3546, л. 2.

⁵¹ Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918. В 4 т. Т. 2. М., 2014. С. 445–446.

⁵² ГА РФ, ф. 579, оп. 1, д. 3546, л. 2; Падение царского режима. Т. VI. С. 344–345.

⁵³ Кстати, в историографии высказывалось мнение, что сношения с немцами поддерживал тогда сам Бриан. См.: *Евдокимова Н.П.* Между Востоком и Западом. Проблема сепаратного мира и манёвры австро-германского блока в 1914–1917 гг. Л., 1985. С. 137.

(8 сентября) в Лондоне с Бенкендорфом и советником посольства К.Д. Набоковым, Милюков узнал, что незадолго до этого английские дипломаты выразили обеспокоенность утечкой секретной информации, якобы происходящей через российский МИД после ухода Сазонова, и демонстративно не дали послу ознакомиться с каким-то документом. Через несколько дней Бенкендорф направил Штюмеру телеграмму, в которой говорилось о «дымке, подёрнувшей доверие к России» со стороны союзников⁵⁴. С лидером оппозиции посол был более откровенен, рассказав, что англичане «припрятавают в стол бумаги, чтобы не показывать», говоря: «Знаете, мы не уверены теперь, что самые большие секреты не попадут к нашим врагам»⁵⁵. «В Лондоне, — громогласно заявил Милюков 1 ноября, — я наткнулся на прямое заявление, мне сделанное, что с некоторых пор наши враги узнают наши сокровеннейшие секреты, и что этого не было во время Сазонова»⁵⁶.

Разумеется, эти обвинения были беспочвенными. Они лишь отражали ту степень раздражения, которую вызывал у англичан Штюмер. В.С. Васюков, отрицая стремление российского правительства к сепаратному миру, полагал, что преемник «гибкого» Сазонова вызывал недовольство западных союзников прежде всего тем, с какой назойливостью «вымогал» их согласие на огласку тайного соглашения о Константинополе и черноморских проливах⁵⁷. Обвинения в измене должны были устранить слишком настойчивого русского министра.

В Лондоне смещению Штюмера придавали настолько большое значение, что с Милюковым встретились ключевые фигуры кабинета — Г. Асквит, Д. Ллойд-Джордж и Э. Грей. Асквит и Грей, как говорил Милюков своим товарищам на заседаниях ЦК кадетской партии 30 сентября и 1 октября, «плохо скрывали свои чувства в отношении русского правительства», а «что касается Ллойд-Джорджа, то последний является застрельщиком кампании против правящей русской бюрократии и проводником в сознание английских политических и общественных деятелей идеи о необходимости поддержки русских либералов в их борьбе с бюрократией». В Англии «с чувством ужаса следят за тем хаосом, который благодаря политике гофмейстера Штюмера установился в России, причём опасаются, что если эта политика в корне не изменится, то “Россия принуждена будет выйти из игры”». По словам Милюкова, «в руки английского дипломатического шпионажа попал ряд нитей», компрометирующих Штюмера и «подтверждающих его неискренность в отношении союзных держав и стремление приблизить конец войны хотя бы и ценой компромисса». Павел Николаевич не скрывал, что собирается заявить об этом с думской кафедры⁵⁸.

Характерно, что лидер кадетской партии ничего не сказал о вояже в Швейцарию. Наиболее важное он услышал не там, а в Лондоне — от русских дипломатов и британских официальных лиц. Судя по всему, изначально сбор сведений, порочащих главу МИД и Совета министров, не входил в планы Милюкова. Он ехал за границу читать лекции и отдыхать, но люди, добивавшиеся отставки Штюмера, воспользовались этой поездкой в своих целях.

⁵⁴ Алексеева И.В. Последнее десятилетие Российской империи... С. 450.

⁵⁵ Падение царского режима. Т. VI. С. 343.

⁵⁶ Речь П.Н. Милюкова... С. 183.

⁵⁷ Васюков В.С. К вопросу о сепаратном мире накануне Февральской революции // Исторические записки. Т. 107. М., 1982. С. 121.

⁵⁸ ГА РФ, ф. 102, ОО, оп. 1916, д. 27, ч. 46, л. «б», 13—14 об.